

ИНОСТРАННАЯ ПОМОЩЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-177-207

Научная статья / Research paper

А.Е. Мендагазиев*

ПОЛИТИКА ВЕДУЩИХ ЗАПАДНЫХ СТРАН КАК ДОНОРОВ ИНВЕСТИЦИЙ И ПОМОЩИ РАЗВИТИЮ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЛОГИКА ВОСПРИЯТИЯ И МИТИГАЦИИ РИСКОВ**

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20*

Во многих регионах мира в последние годы наблюдается всё большее нарастание политического и экономического соперничества западных стран с Россией и Китаем. Не стала исключением и Центральная Азия, где объектом межгосударственной конкуренции и политической инструментализации становятся, в частности, инвестиционные потоки и программы содействия международному развитию (СМР). Целью данной статьи является определение того, как ключевые западные доноры воспринимают характер и масштаб инвестиционных политических рисков в регионе и какие инструменты они используют для их митигации. В первом разделе выявлена специфика регионального преломления глобального тренда на усиление позиций незападных стран в структуре финансовых потоков. Автор заключает, что тенденция к перераспределению баланса в пользу незападных государств в Центральной Азии проявляется весьма рельефно, заставляя западные страны адаптировать свою политику в регионе к меняющемуся ландшафту политических рисков. Во втором разделе рассмотрено, как проблема противодействия растущему влиянию России и КНР в Центральной Азии осмысливается в программных документах ведущих стран Запада: США, Германии и Великобритании. Показано, что всех их

* Мендагазиев Арман Еркинович — стажер-исследователь Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: amendagaziev@hse.ru; ORCID: 0009-0000-6920-2426).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01060 (<https://rscf.ru/project/23-28-01060/>).

в данном контексте объединяет стремление обусловить предоставление помощи развитию реализацией мер, направленных на снижение влияния Китая и России на региональные дела. В третьем разделе перечислены практические шаги указанных государств в данной области, направленные в том числе на митигацию политических рисков для их национальных компаний на пространстве Центральной Азии. Автор показывает, что, несмотря на определенные различия, основную митигационную нагрузку во всех трех случаях несут именно «классические» инструменты СМР. К ним относятся в первую очередь программы совершенствования судебно-правовых систем, противодействия коррупции, помощи в улучшении бизнес-климата, а также в переформатировании энергетической инфраструктуры региона в целях ее замыкания на западные страны. По мнению автора, подобная политика западных доноров в сфере СМР, направленная на митигацию рисков, исходящих, в их понимании, от РФ и КНР, хотя и имеет неоднозначные результаты, создает в свою очередь значимые риски для внешнеэкономической деятельности китайских и российских компаний в Центральной Азии. Анализ этих рисков, однако, требует отдельного научно-прикладного исследования.

Ключевые слова: содействие международному развитию, официальная помощь развитию, политические риски, внешнеэкономическая деятельность, прямые иностранные инвестиции, Центральная Азия, Россия, Китай, США, Германия, Великобритания

Для цитирования: Мендагазиев А.Е. Политика ведущих западных стран как доноров инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии: логика восприятия и митигации рисков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 2. С. 177–207. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-177-207.

Arman E. Mendagaziev

**LEADING WESTERN COUNTRIES AS INVESTMENT
AND DEVELOPMENT ASSISTANCE PROVIDERS
IN CENTRAL ASIA: LOGIC OF RISK PERCEPTION
AND MITIGATION**

*HSE University
20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000*

In recent years, many regions of the world have witnessed an increasing political and economic rivalry between Western countries and Russia and China.

Central Asia is no exception, where investment flows and international development assistance (IDA) programs are subject to interstate competition and political instrumentalization. This article examines how key Western donors perceive the nature and scale of political investment risks in the region and what tools they use to mitigate them. The first section of the article shows how the global trend toward strengthening the positions of non-Western countries in the structure of financial flows manifests itself at the regional level. The author concludes that this shift in balance toward non-Western states in Central Asia is quite evident, forcing Western countries to adapt their regional policies to the changing landscape of political risks. The second section examines how the policy documents of the leading Western countries, i.e., the United States, Germany, and Great Britain, address the issue of countering the growing influence of Russia and China in Central Asia. The article shows that they all advance the idea of conditioning the provision of development assistance to the implementation of measures designed to reduce the influence of China and Russia on regional affairs. The third section specifies the practical steps taken by the Western states, including those aimed at mitigating political risks for their national businesses in Central Asia. The author shows that, despite certain differences, the main mitigation burden in all three cases lies on the 'classical' IDA instruments. The latter include programs aimed at strengthening legal and institutional systems, combating corruption, improvement of the business climate, and transformation of the regional energy infrastructure in order to close it on the Western countries. According to the author, whereas such IDA policies of the Western donors, aimed at mitigating the perceived risks posed to them by the Russian Federation and China, have mixed results, they significantly imperil the foreign economic activities of Chinese and Russian companies in Central Asia. However, the analysis of such risks requires separate applied research.

Keywords: international development assistance, official development assistance, political risks, foreign economic activities, foreign direct investment, Central Asia, Russia, China, USA, Germany, UK

About the author: *Arman E. Mendagaziev* — Intern Researcher at the Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University (e-mail: amendagaziev@hse.ru; ORCID: 0009-0000-6920-2426).

Acknowledgements: The research has been conducted with the financial support from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01060 (<https://rscf.ru/project/23-28-01060/>).

For citation: Mendagaziev A.E. 2025. Leading Western countries as investment and development assistance providers in Central Asia: Logic of risk perception and mitigation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 177–207. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-177-207. (In Russ.)

Обострение конкуренции — один из магистральных трендов эволюции международных отношений в XXI в. Оно наблюдается в разных сферах мировой политики и мировой экономики и затрагивает все виды трансграничных финансовых потоков — торговлю, инвестиции, официальное финансирование в целях развития и др., — между которыми на этом фоне выстраиваются всё более сложные связи. С одной стороны, усиление конкуренции государств как провайдеров содействия международному развитию (СМР) создает дополнительные политические риски для компаний из конкурирующих стран. С другой стороны, участники соперничества стремятся митигировать такие риски, в том числе с помощью инструментов сотрудничества в целях развития.

Указанная тенденция носит долговременный характер, однако резкое обострение соперничества между странами Запада и незападными державами, в первую очередь Китаем и Россией, в последние годы придает ей новую динамику и новые черты, требующие комплексного осмысления. При всей широте охвата тренда в каждом регионе он проявляется специфическим образом, и Центральная Азия (ЦА), где сталкиваются интересы всех значимых игроков, как нельзя лучше подходит для иллюстрации этого тезиса.

Цель данной статьи — определить особенности восприятия западными донорами инвестиционных политических рисков в ЦА в условиях нарастания международной конкуренции в регионе и их подходы к митигации таких рисков с помощью инструментов СМР. Поставленная задача будет решаться на примере деятельности трех крупнейших западных доноров: США, Германии и Великобритании. Эти три государства занимают ключевые позиции в качестве стран происхождения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а также провайдеров СМР среди членов «клуба доноров» — Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР) — как в мире в целом, так и непосредственно в ЦА. Усилия же, предпринимаемые КНР и Россией, равно как и другими незападными провайдерами СМР, в целях митигации рисков для государственных и частных компаний, связанных с деятельностью государств Запада в регионе, с нашей точки зрения, заслуживают отдельного рассмотрения.

Заявленная цель ранее не ставилась таким образом в научной литературе. Отечественные и зарубежные ученые и эксперты, которые отслеживали динамику поступления ресурсов СМР в ЦА

в региональном масштабе [Сергеев и др., 2013; Уткин, Барановский, 2018; Содействие международному развитию. ..., 2018; Ермолов, 2021; Сяотин, 2021; Сидоров и др., 2023; Arazmuradov, 2015] или политику западных провайдеров в отдельных странах региона [Чжан, 2021; Давыдов, 2022; Гарбузарова, 2023b; Жильцов, 2024; Захаров, Рахимзода, 2024; Ismatov, 2021; Yildiz, 2022; Kilichova, 2023; Lee, 2024; Huterer et al., 2024], не фокусировались на связке между СМР и политическими рисками для ведения бизнеса.

Исследователи, разрабатывающие проблематику роли взаимного влияния СМР и политических рисков во внешнеэкономической деятельности как в России [Бартенев, 2023a; Гомбоин, 2023], так и за рубежом [см. соответствующий библиографический обзор в: Бартенев, 2023b], напротив, не изучали предметно центральноазиатский контекст. Это оставляет возможность для проведения подлинно оригинального и практически значимого исследования.

Статья состоит из трех частей. В первой описан новый контекст, который сложился в регионе в последние годы: проиллюстрирована специфика отражения глобального тренда на усиление позиций незападных стран в структуре финансовых потоков в центральноазиатских реалиях. Во второй части раскрыты особенности восприятия этого процесса ключевыми западными донорами на примере США, Германии и Великобритании. В третьей — проанализированы подходы указанных стран к митигации растущих политических рисков для их национальных компаний посредством различных инструментов официального финансирования в целях развития.

Усиление позиций незападных стран в структуре финансовых потоков как признак изменения регионального контекста

Центральная Азия — один из тех регионов мира, который выступает донором рабочей силы и нетто-реципиентом всех видов трансграничных финансовых потоков — как частных (ПИИ, переводы трудовых мигрантов, частные гранты), так и официальных (включая помощь развитию (ОПР) и прочие официальные потоки, если использовать классификацию ОЭСР). В полной мере региональный контекст может быть охарактеризован только с учетом всех этих потоков, но нас интересуют в первую очередь ПИИ и ОПР и те изменения, которые происходят в распределении соответствующих средств между различными странами-донорами/провайдерами.

Место ЦА на глобальной карте инвестиционных потоков предопределяется сочетанием в регионе больших возможностей и высоких рисков.

С одной стороны, ЦА богата природными ресурсами, занимает важное положение в трансконтинентальных транспортных потоках, является емким рынком сбыта промышленных и потребительских товаров, обладает растущим потенциалом трудовых ресурсов. Согласно докладу Евразийского банка развития (ЕАБР) с 2000 по 2022 г. совокупный ВВП региона увеличился в 4 раза — до 347 млрд долл., а население — в 1,4 раза, до 77 млн человек [Экономика Центральной Азии..., 2022].

С другой стороны, политические риски для ведения бизнеса в регионе весьма высоки, что признают многие исследователи [Жансаутова и др., 2018; Гарбузарова, 2023а; Фефелов, Тимошенко, 2023; Яшлавский, 2023; Junxia, 2019; Ma et al., 2020; и др.], а также различные страховые компании и аналитические агентства¹. Наиболее рельефно ландшафт политических рисков в ЦА в сравнении с другими регионами демонстрирует «Доклад о политических рисках» страховой компании «Marsh» за 2023 г. Согласно ему ЦА имеет средний рейтинг по таким рискам, как экспроприация, расторжение контракта; правовой и регуляторный риски — выше, чем на Ближнем Востоке и в Африке южнее Сахары; а по таким категориям, как забастовки, беспорядки и гражданские волнения, терроризм, гражданские и межгосударственные войны, неконвертируемость валюты и запрет на трансферт средств, — на уровне этих традиционно нестабильных регионов².

Как следствие, ЦА занимает скромное место в глобальных потоках ПИИ. Так, в 2023 г. доля государств региона составила 0,9% объема ПИИ, поступивших в развивающиеся страны (в 2022 г. — 1,1%). Однако в денежном выражении с 2000 по 2023 г. совокуп-

¹ Country reports // Allianz. Available at: https://www.allianz.com/en/economic_research/country-and-sector-risk/country-risk.html (accessed: 20.05.2025); Worldwide governance indicators // World Bank Group. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/documentation#2> (accessed: 20.05.2025); With the global economy at a crossboards, which way will Central Asia go? Central Asia attractiveness report // Ernst & Young. November 2022. Available at: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-kz/campaigns/foreign-direct-investment-surveys/documents/ey-central-asia-attractiveness-survey-2022.pdf> (accessed: 20.05.2025).

² Political Risk Report 2023 // Marsh. 30.03.2023. Available at: <https://www.marsh.com/au/services/political-risk/insights/political-risk-report-2023.html> (accessed: 20.05.2025).

ные накопленные ПИИ в странах ЦА выросли более чем в 18 раз, с 2010 г. — более чем в 2 раза (табл. 1). При этом за 2022–2023 гг. совокупный приток ПИИ составил почти 18 млрд долл., тогда как за 2020–2021 гг. — 14 млрд и за 2018–2019 гг. — 15 млрд долл. (табл. 2). Темпы прироста притока ПИИ в 2022 г. по сравнению с 2021 г. составили 41% (против 0% в целом по развивающимся странам Азии)³.

Важно и другое: ЦА — регион, где ярко проявляется глобальный тренд на усиление позиций незападных государств в финансовых потоках, в том числе инвестиционных (ПИИ из стран Глобального Юга за 10 лет — с 2009 по 2019 г. — увеличились с 2,5 до 6,2 трлн долл. США, составив почти половину притока инвестиций в развивающиеся страны) [Calleja et al., 2023]. В описании региональной специфики мы будем опираться на данные, аккумулируемые профильными национальными структурами государств ЦА.

Так, сопоставление среднегодовых показателей *чистого* притока инвестиций в Казахстан за 2022–2023 гг. и за два предковидных года (2018–2019) указывает на усиление незападных стран: России, Китая, ОАЭ и Саудовской Аравии, тогда как по крупнейшим западным государствам (в частности, США, Франции и Великобритании) наблюдалось замедление или отток ПИИ⁴. Наибольшие объемы ПИИ в Казахстан поступали в нефтегазовую и горнодобывающую промышленность, а также в транспортно-логистическую инфраструктуру.

Для Кыргызстана ключевыми инвесторами по валовому объему поступлений ПИИ в последние 3 года также стали незападные государства: Китай (941 млн долл.), Турция (616 млн), Россия (452 млн), Казахстан (258 млн долл.). За ними следуют Нидерланды, Германия, Великобритания, Кипр, на которые суммарно пришлось 430 млн долл. (табл. 3)⁵. Основные инвестиции направляются в горнодобывающую и обрабатывающую промышленность.

³ Investment flows to developing countries in Asia remained flat in 2022 // UNCTAD. 05.07.2023. Available at: <https://unctad.org/news/investment-flows-developing-countries-asia-remained-flat-2022> (accessed: 20.05.2025).

⁴ Прямые инвестиции по направлению вложения // Национальный Банк Казахстана. 10.07.2024. Доступ: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/pryamye-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Поступление прямых иностранных инвестиций по странам // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Доступ: <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/248/> (дата обращения: 20.05.2025).

Таблица 1

Динамика роста накопленных объемов ПИИ в странах Центральной Азии за 2000–2023 гг. (млн долл.)

Страна	2000	2010	2020	2021	2022	2023
Казахстан	10 078	82 648	151 396	152 763	151 419	157 198
Кыргызстан	432	1698	4205	3896	3506	3810
Таджикистан	136	1226	3129	2825	3329	3333
Туркменистан	949	13 442	39 323	40 601	41 537	42 804
Узбекистан	698	2564	10 264	11 547	13 649	14 804
Всего	12 293	101 577	–	211 631	216 441	222 059

Составлено автором на основе: World Investment Report 2024 // UNCTAD. 20.06.2024. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (accessed: 20.05.2025).

Таблица 2

Динамика притока ПИИ в страны Центральной Азии в 2018–2023 гг. (млн долл.)

Страна	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Казахстан	3898	3284	3670	3353	6541	3223
Кыргызстан	144	404	–402	226	55	490
Таджикистан	360	364	107	84	174	141
Туркменистан	1607	1854	1436	1287	936	1378
Узбекистан	625	2316	1728	2275	2498	2187
Всего	6633	8223	6539	7226	10 205	7420

Составлено автором на основе: World Investment Report 2024 // UNCTAD. 20.06.2024. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (accessed: 20.05.2025).

Аналогичная ситуация наблюдается и в Таджикистане: по валовому объему поступлений ПИИ в страну за последние 3 года с большим отрывом лидирует Китай (607 млн долл.). В первую пятерку входят также Россия (64 млн долл.), Франция (46 млн), Турция (40 млн) и Иран (29 млн), за которыми следуют Соединенное Королевство, США и Швейцария (суммарно — 72 млн долл.). Приоритетным

Таблица 3

Топ-10 стран-инвесторов в государства ЦА (кроме Туркменистана*) по валовому притоку ПИИ за период с 2021 по 2023 г.

№ п/п	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан		Узбекистан	
	Страна происхождения ПИИ	Приток ПИИ (млн долл.)	Страна происхождения ПИИ	Приток ПИИ (млн долл.)	Страна происхождения ПИИ	Приток ПИИ (млн долл.)	Страна происхождения	Доля в иностранных инвестициях и кредитах (%)**
1	Нидерланды	21 430	Китай	941	Китай	607	Китай	25,6
2	США	8960	Турция	616	Россия	64	Россия	13,4
3	Швейцария	7630	Россия	452	Франция	46	Саудовская Аравия	7,9
4	Россия	6312	Казахстан	258	Турция	40	Турция	6,4
5	Китай	4933	Нидерланды	157	Иран	29	ОАЭ	5,8
6	Бельгия	3636	Великобритания	135	Великобритания	27	Германия	4,3
7	Южная Корея	3469	Кипр	85	США	23	Кипр	3,4
8	Великобритания	2484	Германия	53	Швейцария	22	Нидерланды	3,1
9	Франция	2259	ОАЭ	52	Виргинские острова	20	Швейцария	3,1
10	ОАЭ	1614	Швейцария	52	Казахстан	17	США	2,3

Примечание: * — официальные данные по Туркменистану отсутствуют в открытом доступе; ** — только за 2023 г. Составлено автором на основе данных национальных статистических агентств и центробанков стран ЦА.

направлением капиталовложений выступает горнодобывающая промышленность⁶.

Узбекистан представляет собой новый центр притяжения ПИИ благодаря открытию страны международному бизнесу, наращиванию экономического потенциала и проводимым властями реформам. По данным Агентства по статистике Узбекистана, в 2023 г. иностранные вложения в основной капитал и кредиты составили почти 7 млрд долл., из которых на Китай пришлось 25,6%, Россию — 13,4, Саудовскую Аравию — 7,9, Турцию — 6,4, ОАЭ — 5,8, а на крупнейшего западного инвестора — Германию — лишь 4,3%⁷. В 2023 г. 38% ПИИ было направлено в обрабатывающую промышленность, 20% — в электроэнергетику, 15% — в горнодобывающую промышленность.

Туркменистан привлекает иностранных инвесторов преимущественно в добывающую и транспортную отрасли. Один из крупнейших проектов, стартовавших в 2022 г., — расширение нефтедобывающей деятельности «Emirates National Oil Company» (ОАЭ) в Туркменистане стоимостью 7,5 млрд долл.⁸ Крупнейшим инвестором в экономику страны является КНР. По словам Е.Ю. Винокурова, главного экономиста ЕАБР, третьим важнейшим направлением ПИИ для Китая после Казахстана и России в Евразии выступает как раз Туркменистан, куда по итогам первого полугодия 2023 г. китайские инвесторы вложили порядка 9,4 млрд долл.⁹ Россия в свою очередь реализует в этой стране более 20 проектов на общую сумму 3,5 млрд

⁶ Прямые иностранные инвестиции // Национальный Банк Таджикистана. Доступ: <https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-oi-mustakimi-khorii/sarmoyaguzorihoi-mustakimi-khoriji-ba-jt-az-r-kishvarho.php> (дата обращения: 20.05.2025).

⁷ Инвестиции в основной капитал (за январь–декабрь 2023 года) // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. 23.01.2024. Доступ: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/49849-asosiy-kapitalga-investitsiyalar-2023-yil-yanvar-sentabr-3> (дата обращения: 20.05.2025).

⁸ Туркменистан привлек \$936 млн прямых иностранных инвестиций в 2022 году // Бизнес Туркменистан. 11.07.2023. Доступ: <https://business.com.tm/ru/post/10479/turkmenistan-privlek-936-mln-pryamyh-inostrannyh-investicii-v-2022-godu> (дата обращения: 20.05.2025).

⁹ 叶甫根尼维诺库罗夫. 中国与欧亚地区具有多元化合作机遇 [Винокуров Е. Возможности диверсифицированного сотрудничества между Китаем и странами евразийского региона] // 经济日报 [Цзинцзи Жибао]. 20.02.2024. Доступ: <https://proapi.jingjiribao.cn/readnews.html?id=301445> (дата обращения: 20.05.2025). (На кит. яз.)

долл. — их основная часть сфокусирована на развитии логистики и транспортной инфраструктуры¹⁰.

Схожая динамика в плане перераспределения влияния между западными и незападными государствами наблюдается и в сфере СМР. Если в мире в целом в период с 2011 по 2021 г. максимальная доля обязательств по двусторонней ОПР от незападных доноров составляла менее 10% без учета Китая и 15% вместе с ним, то в ЦА она варьировала в диапазоне от 24 до 52% и от 32 до 69% соответственно¹¹. Баланс сил смещается еще более заметно в пользу незападных государств, если учитывать не только ОПР, но и прочее официальное финансирование (ПОФ): тогда доля незападных стран (включая КНР) от всего объема обязательств за 5 лет с 2017 по 2021 г. увеличивается до 78%, из которых на Китай пришлось 87%¹²!

Заметное место на региональной карте СМР занимает Россия. По выгруженным еще в момент их наличия на сайте ОЭСР данным, с 2010 по 2019 г. РФ предоставила странам региона ОПР на сумму 1,3 млрд долл., в том числе Кыргызстану — 1,2 млрд, Таджикистану — 124 млн, Узбекистану — 14,4 млн, Казахстану — 5,4 млн и Туркменистану — 2,4 млн долл. В эти объемы не включены субсидирование поставок топливноэнергетических ресурсов, объемы российского участия в финансировании проектов ЕАБР и ЕФСР¹³ и другие преференции, предоставляемые РФ странам ЦА.

Китай в 2020-е годы взял на себя дополнительные обязательства по оказанию помощи государствам региона. Так, в январе 2022 г. на саммите, посвященном 30-летию установления дипломатических отношений между Китаем и пятью странами ЦА, председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Пекин предоставит им 50 млн доз вакцин от COVID-19 и активизирует совместное производство

¹⁰ Российские инвесторы заинтересованы в транзитном потенциале Туркмении // Министерство экономического развития Российской Федерации. 19.01.2023. Доступ: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiyskie_investory_zainteresovany_v_transitnom_potenciale_turkmenii.html (дата обращения: 20.05.2025).

¹¹ OECD data explorer. Available at: <https://data-explorer.oecd.org> (accessed: 20.05.2025); AidData's global Chinese development finance dataset, version 3.0 // AidData. 06.11.2023. Available at: <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-3-0> (accessed: 20.05.2025).

¹² Ibidem.

¹³ Евразийский фонд стабилизации и развития. — *Прим. ред.*

и передачу технологий изготовления вакцин и лекарств¹⁴. Кроме того, глава КНР пообещал предоставить гранты странам региона в объеме 500 млн долл. в ближайшие 3 года на реализацию Целей устойчивого развития¹⁵. Наконец, весной 2023 г. на саммите «Китай — Центральная Азия» Си Цзиньпин пообещал предоставить безвозмездную помощь в объеме 3,7 млрд долл. («чтобы помочь сотрудничеству с центральноазиатскими странами, а также развитию государств»¹⁶) и *поощрять китайские компании, представленные на рынках данного региона*.

Таким образом, структура трансграничных финансовых потоков в ЦА ярко иллюстрирует усиление влияния незападных доноров в области как ПИИ, так и СМР по сравнению с западными странами. В условиях нарастающего соперничества с Россией и Китаем [см. подробнее: Притчин, 2022] власти западных государств в свою очередь во всё большей мере выстраивают свою внешнюю и внешнеэкономическую политику, включая политику содействия развитию, с оглядкой на это соперничество.

Отражение темы противодействия растущему влиянию России и КНР в Центральной Азии в программных документах ведущих западных доноров (на примере США, ФРГ и Великобритании)

США. В последние годы американская политика в ЦА была четче перенацелена на противодействие России и Китаю. Так, в «Стратегии регионального сотрудничества в целях развития в Центральной Азии на 2020–2025 гг.», впервые принятой в декабре 2020 г. и существенно обновленной в январе 2024 г., Агентство США по международному развитию (АМР США) сохранило в качестве ключевых целей продвижение реформ в области верховенства закона и прав человека, противодействие терроризму, гармонизацию торговой политики

¹⁴ China to aid 5 Central Asia countries with additional 50 million vaccines, to continue 'high-level political mutual trust' // Global Times. 26.01.2022. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246926.shtml?id=11> (accessed: 20.05.2025).

¹⁵ Xi Jinping. Joining hands for a shared future // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. 25.01.2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202201/t20220125_10633542.html (accessed: 20.05.2025).

¹⁶ Китай предоставит помощь Центральной Азии в размере 3,7 млрд долларов // Sputnik Таджикистан. 19.05.2023. Доступ: <https://tj.sputniknews.ru/20230519/chinamosch-central-asia-1057225631.html> (дата обращения: 20.05.2025).

и законодательства, а также снижение барьеров для американских инвестиций (с акцентом на энергетический сектор). При этом особое внимание в документе уделено обеспечению независимости стран ЦА и их устойчивости к воздействию «враждебных акторов» (*malign actors*): России, КНР и Ирана¹⁷.

Россия рассматривается в Стратегии как страна, которая сохраняет существенное политическое и экономическое влияние в регионе и несет угрозу интересам Вашингтона. АМР США обозначает стремление ослабить зависимость отдельных государств ЦА от экспорта трудовой миграции в РФ и финансовых поступлений из России. Значимые риски, по мнению составителей документа, возникают и из-за центральной роли Москвы в процессах евразийской интеграции, что «подрывает углубление партнерства стран ЦА с США»¹⁸ и сотрудничество в рамках международных инициатив. Отмечено, что уязвимость стран ЦА усугубляют методы борьбы с насильственным экстремизмом, которые предлагаются Россией и Китаем и «усиливают социальную напряженность и радикализируют уязвимых членов общества»¹⁹. Политические риски для ведения бизнеса, связанные с деятельностью РФ, в документе не обозначаются прямо, но подразумеваются.

Не меньшее внимание в Стратегии уделяется растущему влиянию Китая в регионе и его инициативе «Один пояс, один путь». По мнению составителей, она сопряжена с применением непрозрачных методов экономического сотрудничества, навязыванием китайской рабочей силы, материалов и технологий, которые воспринимаются как фактор усиления ряда рисков, таких как формирование долговой зависимости у кредитруемых стран, усиление коррупции, терпимость к которой демонстрирует китайский бизнес. Показательно, что в документе упоминаются также антикитайские протесты — в качестве иллюстрации неприятия населением региона такого рода китайских практик²⁰.

¹⁷ Regional Development Cooperation Strategy 2020–2025 // USAID. Available at: https://web.archive.org/web/20240519092521/https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/RDCS_Central_Asia_December_2025_external_rus_final.pdf (accessed: 20.05.2025).

¹⁸ Ibid. P. 26.

¹⁹ Ibid. P. 28.

²⁰ Ibid. P. 12.

Схожие формулировки зафиксированы и в программных документах, посвященных политике Вашингтона в отдельных государствах ЦА. Так, применительно к Казахстану Госдепартамент США признает значимое влияние в стране России и Китая, которые продвигают цели и ценности «противоположные американским», и подчеркивает поддержку многовекторной политики Астаны²¹. В программных документах АМР США, посвященных Узбекистану, открыто заявляется об усилиях, направленных на формирование квалифицированной рабочей силы, укрепление связей страны с мировой экономикой, а также на ослабление «чрезмерной зависимости» (*overreliance*) от Москвы и Пекина²². Кроме того, одна из целей в стратегии Госдепартамента формулируется как «расширение возможностей США в Узбекистане и продвижение США в качестве предпочтительного партнера для государственного и частного секторов Узбекистана»²³.

В Кыргызстане и Таджикистане Вашингтон не имеет значимых экономических интересов, тогда как в Туркменистане признает ограниченность своего влияния. В Кыргызстане, с точки зрения Госдепартамента, укреплению позиций США мешают: российское присутствие в области безопасности, рост китайских инвестиций и товарооборота с КНР, слабость политических институтов, коррупция, периодические стычки с Таджикистаном²⁴. Применительно к последнему АМР США отмечает значительное геополитическое и экономическое влияние соседних держав и направляет усилия на продвижение «собственных» приоритетов и целей Таджикистана, попутно подчеркивая преимущества американской модели разви-

²¹ Integrated Country Strategy: Kazakhstan // U.S. Department of State. 25.03.2022. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_SCA_Kazakhstan_Public.pdf (accessed: 20.05.2025).

²² USAID/Uzbekistan's 2022–2025 Strategic Framework // USAID. Available at: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-07/SF-Uzbekistan-April-2025.pdf> (accessed: 20.05.2025).

²³ Integrated Country Strategy: Uzbekistan // U.S. Department of State. 12.04.2022. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_SCA_Uzbekistan_Public.pdf (accessed: 20.05.2025).

²⁴ Integrated Country Strategy: Kyrgyz Republic // U.S. Department of State. 25.03.2022. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_SCA_Kyrgyz-Rep_Public.pdf (accessed: 20.05.2025).

тия и необходимость повышения устойчивости страны к существующим и новым угрозам²⁵.

Германия. Стратегия Германии в ЦА тесно переплетается с политикой ЕС, но направлена в первую очередь на удовлетворение собственных интересов. Роль региона для Германии повысилась после февраля 2022 г.: увеличились объемы поставок углеводородов из Казахстана, региональные офисы немецких крупных компаний релоцировались из России в Казахстан и Узбекистан, а наращивание мощностей транскаспийского коридора стало восприниматься как средство нивелировать потери от транзита по российской территории. По оценке Р. Каюмова, профессора Вебстерского университета в Ташкенте, политика Берлина в ЦА сосредоточена на трех областях: противодействие доминированию России и Китая и в конечном счете отстранение их от полного контроля над регионом; содействие экономическому развитию с особым акцентом на продвижение немецких товаров и услуг и преодоление сложностей, связанных с Афганистаном²⁶. Такое видение отражено в докладе Федерального министерства по экономическому сотрудничеству и развитию ФРГ, представленном в декабре 2023 г., где сказано, что геополитическое значение ЦА растет, а сами страны региона сталкиваются с экономическими и политическими проблемами в результате действий России и захвата власти талибами в Афганистане. Политика Германии в области развития в докладе названа важным фактором, способствующим миру и безопасности, а устойчивое экономическое развитие с акцентом на «зеленом переходе» — ее приоритетным направлением²⁷.

Германские официальные лица указывают Россию в качестве источника негативного влияния на страны ЦА и в своих официальных выступлениях. По словам главы МИД Германии А. Бербок в 2022 г. и Р. Вагенера, координатора по межобщественному сотрудничеству

²⁵ USAID/Tajikistan's 2022–2025 Strategic Framework // USAID. Available at: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/SF-USAIDTajikistan-02-2025.pdf> (accessed: 20.05.2025).

²⁶ Kayumov R. Evolving narratives in German foreign policy toward Central Asia // The Diplomat. 26.09.2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/09/evolving-narratives-in-german-foreign-policy-toward-central-asia/> (accessed: 20.05.2025).

²⁷ German development policy with Asia // Federal Ministry for Economic Cooperation and Development. December 2023. Available at: <https://www.bmz.de/resource/blob/195430/german-development-policy-with-asia.pdf><https://www.bmz.de/resource/blob/195430/german-development-policy-with-asia.pdf> (accessed: 20.05.2025).

с Южным Кавказом, Республикой Молдова и Центральной Азией, в 2023 г., Германия планирует взаимодействовать с партнерами в ЦА в целях снижения их зависимости от России²⁸. Важным элементом остается обеспечение связанности между ЕС и ЦА, включая «Срединный коридор», и канцлер Германии О. Шольц заявил о поддержке этих инициатив как на двусторонней основе, так и за счет взносов в бюджет ЕС²⁹.

Китай же и его политика в данном регионе пока воспринимаются более сдержанно в германских программных документах. В «Стратегии Германии в отношении Китая» 2023 г. в части по ЦА Пекин не фигурирует как актер, ущемляющий интересы Германии. Сказано лишь, что федеральное правительство «активно поддерживает усиление экономического обмена между ЦА и Европой» в целях обеспечения их суверенитета и свободы действий во внешней политике³⁰.

Великобритания. Курс Великобритании на международной арене был актуализирован в 2021 г. в стратегии «Глобальная Британия», где Россия была обозначена в качестве прямой угрозы, а Китай назван вызовом эпохи и системным соперником³¹. Данный курс находит отражение и в ЦА: хотя она и не входит в перечень региональных приоритетов Лондона, в последние годы признается необходимость большего участия Великобритании в центральноазиатских делах.

В докладе Министерства иностранных дел, по делам Содружества и развития «Описание партнерства Великобритании и региона Центральной Азии в целях развития», представленном летом 2023 г., заявлено стремление к комплексному реагированию на региональ-

²⁸ Statement by Foreign Minister Baerbock prior to her departure for Kazakhstan and Uzbekistan // Federal Foreign Office. 30.10.2022. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/-/2560922> (accessed: 20.05.2025).

²⁹ Joint Declaration by Heads of State of Central Asia and the Federal Chancellor of Germany // The Federal Government. 29.09.2023. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/998352/2226656/45f64011ff425e6db0dab0c60ff50310/2023-09-29-z5-erklaerung-en-data.pdf?download=1> (accessed: 20.05.2025).

³⁰ Strategy on China of the Government of the Federal Republic of Germany // Federal Foreign Office. 2023. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2608580/49d50fecc479304c3da2e2079c55e106/china-strategie-en-data.pdf> (accessed: 20.05.2025).

³¹ Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world. Policy paper // GOV.UK. Cabinet Office. 16.05.2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world#ii-overview> (accessed: 20.05.2025).

ные факторы нестабильности, к либерализации торговли, поддержке инвестиций в электронную коммерцию, повышению эффективности регулирования и улучшению бизнес-среды, борьбе с незаконными финансовыми потоками, повышению устойчивости и уменьшению зависимости стран от Китая и России³². Комитет Палаты общин по иностранным делам в докладе «Страны на перепутье: участие Великобритании в Центральной Азии...» отмечает, что «украинский кризис поставил страны ЦА в затруднительное положение»³³, и фиксирует намерение Лондона оказывать содействие британским инвестициям и устранению барьеров в торговле, а также поддерживать британский бизнес. Великобритания ставит целью укрепление своего влияния в регионе, повышение роли стран ЦА во Всемирной торговой организации (ВТО), содействие вступлению в нее Узбекистана и уменьшению зависимости центральноазиатских государств от России.

Близкие по содержанию к перечисленным формулировкам фрагменты антироссийской и антикитайской направленности можно встретить в актуальных версиях программных документов и других западных доноров. Однако нас такого рода отрывки интересуют не сами по себе, а в качестве тех общих установок, с которыми сопрягается практическая деятельность этих стран в области СМР и в которых логика митигации рисков для ведения бизнеса в ЦА в новых геополитических условиях может быть представлена как более, так и менее явно.

Митигация рисков для бизнеса на пространстве Центральной Азии в практике США, ФРГ и Великобритании

США. В странах ЦА участие американского бизнеса сфокусировано на нефтегазовом секторе и горно-металлургической отрасли Казахстана. Накопленные ПИИ американских компаний составили на конец 2023 г. 42 млрд долл. (что позволило США занять 2-е место

³² UK-Central Asia region development partnership summary: Policy Paper // GOV.UK. Foreign, Commonwealth & Development Office. 17.07.2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-central-asia-region-development-partnership-summary/84814497-eb76-4132-ad87-9ceb1a16506f> (accessed: 20.05.2025).

³³ Countries at crossroads: UK engagement in Central Asia: Government response to the committee's tenth report of session 2022–23. Second Special Report of Session 2023–24 // UK Parliament. Available at: <https://committees.parliament.uk/publications/43019/documents/213977/default/> (accessed: 20.05.2025).

после Нидерландов среди стран происхождения входящих ПИИ). По данным «Kazakh Invest», сегодня американский бизнес реализует в Казахстане четыре проекта с первоначальным объемом инвестиций порядка 900 млн долл.³⁴ В последние годы также усиливается интерес Вашингтона к вложениям в узбекистанскую экономику³⁵.

При этом с 2020 по 2024 г. США не прибегали к инструментам страхования инвестиций национальных компаний от политических рисков, несмотря на активное расширение масштабов их применения в целом [Бартенев, 2024: 106]. В портфеле профильной Американской корпорации финансирования международного развития нет ни одного застрахованного инвестпроекта в странах ЦА³⁶. Интересы своего бизнеса в регионе США продвигают и защищают иными способами.

В частности, следует упомянуть инициативу B5+1 — деловой аналог формата C5+1³⁷, которая объединяет представителей бизнеса стран ЦА и США и направлена, по словам американского посла в Казахстане Д. Розенблюма, на создание «более благоприятной бизнес-среды»³⁸. Участники форума B5+1, проведенного в марте 2024 г., определили приоритетные сектора для торговли и инвестиций: транспорт и логистика, электронная коммерция, сельское хозяйство, туризм, зеленая энергетика и возобновляемые источники энергии, а также дали рекомендации по усилению региональной интеграции, гармонизации законодательства, улучшению бизнес-среды³⁹.

Активнее всего задачи митигации рисков «легально-правительственного» характера, источником которых являются действия

³⁴ National pool of investment projects // Kazakh Invest. Available at: <https://invest.gov.kz/services/pool-of-investment-projects/> (accessed: 20.05.2025).

³⁵ Joint Statement on the C5+1 Regional Connectivity Ministerial in Samarkand // USAID. 30.10.2023. Available at: <https://www.usaid.gov/ru/news-information/press-releases/oct-30-2023-joint-statement-c5-1-regional-connectivity-ministerial-samarkand> (accessed: 20.05.2025).

³⁶ Reports // U.S. International Development Finance Corporation (DFC). Available at: <https://www.dfc.gov/our-impact/reports> (accessed: 20.05.2025).

³⁷ Формат многостороннего взаимодействия США со странами ЦА.

³⁸ США запускают инициативу по стимулированию связей в Центральной Азии // Eurasianet. 18.03.2024. Доступ: <https://inlnk.ru/68Log5> (дата обращения: 20.05.2025).

³⁹ B5+1 Forum: Advancing business partnership for regional prosperity: Final communique // Center for International Private Enterprise (CIPE). 2024. Available at: https://www.cipe.org/wp-content/uploads/2024/03/B51-Forum_Final-Communique_2024_EN.pdf (accessed: 20.05.2025).

(или бездействие) властей принимающих стран, решаются в рамках политики СМР. США — один из ключевых провайдеров ОПР для региона: с 2018 по 2022 г. они направили странам ЦА 706 млн долл., из них Кыргызстану — 253 млн, Казахстану — 86 млн, Таджикистану — 212 млн, Узбекистану — 133 млн и Туркменистану — 21 млн долл. Однако М.О. Ермолов считает, что реально контролируемые США потоки помощи значительно выше, если учесть их лидирующие позиции в многосторонних банках (АБР, МБРР, ЕБРР⁴⁰ и др.), по линии которых в регион также направляются большие средства [Ермолов, 2021].

В рамках реализации заявленных целей Соединенные Штаты осуществляют множество проектов в странах ЦА. В Казахстане АМР США с 2020 г. запустило новую программу укрепления верховенства закона, направленную на «создание благоприятного правового климата для бизнеса, который будет способствовать повышению доверия и расширению международных инвестиций в Казахстан», совершенствование правовой базы и судебной системы⁴¹. В Узбекистане в целях улучшения инвестиционного климата АМР США также финансирует программу реформирования юридической системы, в рамках которой, в частности, узбекской стороне была предоставлена экспертная помощь в подготовке проекта типового инвестиционного соглашения. Правительство Узбекистана использовало этот документ для заключения 22 инвестиционных соглашений, которые привлекли около 2 млрд долл. инвестиций, — впрочем, отнюдь не только из США и других западных стран (Канады, Германии, Франции), но также из Турции, ОАЭ и др.⁴²

Параллельно США внедряют цифровые технологии в управление энергетическим сектором в ЦА⁴³ и наращивают здесь потенциал возобновляемой энергетики, основанной на американских стандартах

⁴⁰ АБР — Азиатский банк развития, МБРР — Международный банк реконструкции и развития, ЕБРР — Европейский банк реконструкции и развития. — *Прим. ред.*

⁴¹ Kazakhstan rule of law fact sheet: Programm overview // USAID. Available at: https://2017-2020.usaid.gov/sites/default/files/documents/10292020_Kazakhstan_Rule_of_Law_Fact_Sheet.pdf (accessed: 20.05.2025).

⁴² Uzbekistan legal reform program: Fact sheet // USAID. 2021. Available at: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID_LRP_factsheet_October_2021.pdf (accessed: 20.05.2025).

⁴³ USAID hands over \$1.4M in equipment to strengthen Central Asia's regional power sector // U.S. Embassy in Uzbekistan. 10.01.2024. Available at: <https://uz.usembassy.gov/usaid-energy-equipment-handover/> (accessed: 20.05.2025).

и технологиях, стремятся замкнуть энергетическую инфраструктуру региона на западные страны. Кроме того, в сентябре 2022 г., менее чем через полгода после эскалации украинского конфликта, администрация Дж. Байдена запустила Инициативу по обеспечению экономической устойчивости в Центральной Азии (Economic Resilience Initiative in Central Asia, ERICEN) стоимостью 50 млн долл., которая направлена на диверсификацию торговых путей и поощрение инвестиций в регион⁴⁴. ЦА — также один из приоритетных регионов в реализации инициированной США программы Партнерства для глобальной инфраструктуры и инвестиций — совместной инициативы «Группы семи» (G7) по финансированию инфраструктурных проектов в развивающихся странах, которая выступает противовесом китайскому проекту «Один пояс, один путь». В 2024 г. специальный координатор данной программы от США Х. Матц во время визита в Астану заявила, что страны G7 готовы инвестировать в инфраструктурные проекты в ЦА до 200 млрд долл.⁴⁵

Германия. Германия — одно из немногих европейских государств, которое активно взаимодействует со всеми центрально-азиатскими странами. Экономические интересы Берлина в большей степени связаны с импортом нефтегазовых ресурсов Казахстана и Туркменистана, при этом в последние годы инвестиции ФРГ направляются в ненефтегазовые отрасли Казахстана и промышленность Узбекистана. Так, в Казахстане функционирует более 700 компаний с немецким капиталом, реализуются 34 совместных проекта объемом более 50 млрд долл.⁴⁶, в частности, в области добычи критических минеральных ресурсов и зеленой энергетики, а в 2023 г. приток германских инвестиций составил 770 млн долл. В Узбекистане в свою очередь работают 276 предприятий с участием

⁴⁴ Nifti E., Fanger S. U.S. supports Trans-Caspian trade and transport diversification // Caspian Policy Center. 02.03.2023. Available at: <https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/us-supports-trans-caspian-trade-and-transport-diversification> (accessed: 20.05.2025).

⁴⁵ Страны G7 готовы инвестировать в проекты в Центральной Азии до \$200 млрд // ТАСС. 22.07.2024. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/21417911> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴⁶ Satubaldina A. German Chancellor Scholz's visit to Kazakhstan, first in decades, deepens ties with Central Asia nations // The Astana Times. 20.09.2024. Available at: <https://astanatimes.com/2024/09/german-chancellor-scholz-s-visit-to-kazakhstan-first-in-decades-deepens-ties-with-central-asia-nations/> (accessed: 20.05.2025).

инвесторов из Германии, из них 57 предприятий были созданы с начала 2024 г. Приток инвестиций из ФРГ в 2023 г. составил 758 млн долл., а только за первое полугодие 2024 г. — 578 млн долл., причем капиталовложения были направлены в основном в обрабатывающую промышленность⁴⁷.

В отличие от Вашингтона, Берлин активно применяет в ЦА инструменты защиты инвестиций от потерь посредством инвестиционных гарантий. В рамках новой стратегии диверсификации инвестиций ФРГ на 2023–2028 гг. две наиболее экономически развитые страны — Казахстан и Узбекистан — были включены в число целевых государств, гарантийная поддержка которых будет осуществляться на льготных условиях⁴⁸.

«Классические» инструменты ОНР для митигации политических рисков также применяются весьма активно. Продвижение и защита интересов инвесторов из ФРГ в регионе является одним из фокусных направлений деятельности Германского общества по международному сотрудничеству (The Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit, GIZ). Митигации политических рисков в долгосрочной перспективе будет способствовать и проект «Продвижение верховенства права в Центральной Азии», направленный на улучшение бизнес-климата, гармонизацию регулятивных процедур и обучение юристов новым стандартам⁴⁹. В 2024 г. также был запущен проект по упрощению торговли, направленный на стандартизацию торговых процедур и снижение коррупционных рисков⁵⁰, что призвано способствовать притоку немецких инвестиций в регион вопреки нарастающим геополитическим вызовам.

⁴⁷ Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество между Узбекистаном и Германией // Редакция газет «Янги Ўзбекистон» и «Правда Востока». 16.09.2024. Доступ: <https://yuz.uz/ru/news/torgovo-ekonomicheskoe-i-investitsionnoe-sotrudnichestvo-mejdu-uzbekistanom-i-germaniey> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴⁸ Diversification strategy // Investitionsgarantien.de. Available at: https://www.investitionsgarantien.de/en/main-navigation/wissen/knowledge-transfer/focus-diversification-strategy#_ftn1 (accessed: 20.05.2025).

⁴⁹ Promoting the rule of law in Central Asia // Deutsche Gessellschaft fuer Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH. Available at: <https://www.giz.de/en/worldwide/132361.html> (accessed: 20.05.2025).

⁵⁰ One region, one objective — Trade facilitation in Central Asia // GIZ. February 2024. Available at: <https://www.giz.de/en/downloads/giz2024-en-factsheet-TFCA.pdf> (accessed: 20.05.2025).

Помимо этого Германия реализует различные проекты содействия развитию в целях снижения масштабов взаимодействия РФ и стран ЦА и реформатирования логистических цепочек между Европой и Россией. Например, Берлин оказывает техническую поддержку государствам ЦА в процессе их вступления в ВТО в рамках проекта GIZ по упрощению торговли в регионе.

Германия делает ставку также на продвижение концепции зеленой энергетики, стремясь нарастить экспорт соответствующих технологий. GIZ реализует инициативу «Зеленая Центральная Азия», в рамках которой предусмотрено развитие политического диалога, сопровождение климатической повестки и формирование соответствующей логистической и энергетической инфраструктуры⁵¹. Кроме того, в 2023 г. Берлин запустил проект по производству зеленого водорода стоимостью 50 млрд долл. с выходом к каспийской инфраструктуре в рамках проекта ЕС «Глобальные ворота» («Global Gateway»)⁵².

Ключевым партнером Германии в ЦА является Узбекистан. Согласно Совместной декларации о намерениях по углублению многопланового сотрудничества между двумя странами Берлин будет помогать Ташкенту реформировать правовую систему, защищать права человека, улучшать инфраструктуру через проект «Глобальные ворота», способствовать переходу на зеленую энергию и привлекать инвестиции от немецких компаний⁵³. GIZ расширяет поддержку Узбекистана в вопросе «зеленого перехода»: в ходе встречи координатора региональных программ GIZ в ЦА Т. Брецина с узбекистанской делегацией в 2023 г. был согласован проект «Содействие частному сектору и консультирование по вопросам экономической политики в Узбекистане» («Зеленая индустриализация») общей стоимостью 9 млн евро. Проект включает, в частности, экспертную поддержку в осуществлении торговли сертификатами на выбросы CO₂, а также

⁵¹ Green Central Asia. Available at: <https://greencentralasia.org> (accessed: 20.05.2025).

⁵² Kazakhstan, Germany expand cooperation in green energy // The Astana Times. 21.11.2023. Available at: <https://astanatimes.com/2023/11/kazakhstan-germany-expand-cooperation-in-green-energy/> (accessed: 20.05.2025).

⁵³ Joint Declaration of intent on the deepening of multifaceted cooperation between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Government of the Federal Republic of Germany // Federal Foreign Office. 02.05.2023. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/-/2595054> (accessed: 20.05.2025).

в интеграции Узбекистана в систему трансграничного управления Европейского союза⁵⁴.

Великобритания. Великобритания входит в топ-10 стран по валовому притоку ПИИ в Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан за последние 3 года, при этом на Казахстан приходится 94% их общего объема. Но динамика притока ПИИ замедляется: только из Казахстана в этот же период отток составил 6,1 млрд долл., что говорит о некотором снижении интереса британского бизнеса к региону. Однако официальные власти стремятся переломить эту тенденцию, руководствуясь не только региональными, но и глобальными установками [Жильцов, 2024].

Во время турне по Монголии и странам ЦА министр иностранных дел Соединенного Королевства Д. Кэмерон объявил об интенсификации мер по расширению возможностей для британских компаний и недопущению обхода западных санкций Россией, а также о предоставлении государствам региона финансирования объемом более 60 млн долл. для «поддержки их суверенитета и независимости»⁵⁵.

Усиления своего влияния в ЦА Великобритания добивается в том числе инструментами СМР. Наибольшая помощь оказывается Таджикистану, Кыргызстану и Узбекистану, в то время как Туркменистану и Казахстану — в весьма ограниченных объемах.

Лондон активно продвигает британское право, подходы и практики управления, которые используются, например, в Международном финансовом центре «Астана». В этой области реализуются и отдельные проекты, например «Эффективное управление в интересах экономического развития» (2020–2025) стоимостью 25 млн ф. ст., направленный на повышение эффективности реформ, подотчетности и прозрачности экономической политики в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане⁵⁶, а также «Программа развития

⁵⁴ Uzbekistan embarks on €9mn green industrialization initiative with GIZ support // Daryo. 06.12.2023. Available at: <https://daryo.uz/en/2023/12/06/uzbekistan-embarks-on-a-9-million-green-industrialization-initiative-with-giz-support> (accessed: 20.05.2025).

⁵⁵ Gruzer M. Analysing the UK's renewed engagement in Central Asia and the region's growing geopolitical prominence // Bloomsbury Intelligence & Security Institute. 06.06.2024. Available at: <https://bisi.org.uk/reports/analysing-the-uks-renewed-engagement-in-central-asia-and-the-regions-growing-geopolitical-prominence> (accessed: 20.05.2025).

⁵⁶ Effective governance for economic development in Central Asia // GOV.UK. Development Tracker. Foreign, Commonwealth Development Office (FCDO). Available at: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-GOV-1-300961/summary> (accessed: 20.05.2025).

предпринимательства и инноваций» (2019–2024) объемом 19 млн ф. ст., цель которой — увеличение потенциала бизнеса в Таджикистане и Кыргызстане⁵⁷. Другой канал митигации политических рисков — «много-двусторонняя» помощь — маркированные взносы в многосторонние институты. Например, в 2018 г. по инициативе Великобритании в рамках АБР был создан специальный трастовый фонд содействия развитию региональной торговли и взаимодействия в Азии. Одна из целей фонда — укрепление инвестиционного потенциала в странах Центральной и Южной Азии, в том числе в Кыргызстане и Таджикистане⁵⁸.

Таким образом, усилия крупнейших западных доноров в регионе ориентированы в том числе на формирование более благоприятной институционально-правовой среды для реализации их собственных интересов, включая облегчение национальным компаниям ведения бизнеса в заметно осложнившихся условиях. Однако эти усилия различаются как по степени интенсивности, так и по характеру используемых инструментов.

* * *

Глобальный тренд на перераспределение баланса между западными и незападными странами в трансграничных финансовых потоках проявляется весьма рельефно на пространстве ЦА. Набрав силу еще в 2010-е годы, в условиях резкого обострения межгосударственной конкуренции в последние годы он стал воздействовать в том числе и на ландшафт политических рисков для внешнеэкономической деятельности.

Объясняется это главным образом тем, что в ЦА сконцентрированы усилия и интересы обеих держав, которых западные страны считают сегодня своими главными геополитическими противниками, — России и Китая. В этих условиях западный бизнес, достаточно широко представленный в регионе, закономерно становится всё более чувствителен к такого рода рискам, особенно «легально-правительственного» происхождения.

⁵⁷ Enterprise and Innovation Program (EIP) // GOV.UK. Development Tracker. Foreign, Commonwealth Development Office (FCDO). Available at: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-COH-1858644-204989/summary> (accessed: 20.05.2025).

⁵⁸ United Kingdom Fund for Asia Regional Trade and Connectivity // Asian Development Bank. Available at: <https://www.adb.org/what-we-do/funds/united-kingdom-fund-asia-regional-trade-connectivity> (accessed: 20.05.2025).

Изменение ландшафта политических рисков в ЦА и необходимость принятия активных мер, призванных защитить свой бизнес от них, осознают так или иначе все крупнейшие западные страны-доноры, руководство которых остается заинтересовано в усилении как политического, так и экономического присутствия в данном регионе. США, Германия и Великобритания в программных документах вполне открыто постулируют негативные последствия влияния России и Китая на региональные дела, в том числе на отдельные факторы политического риска для ведения бизнеса, и обозначают снижение такого влияния в качестве целей помощи. При этом в документах, посвященных ЦА, США, как и на глобальном уровне, фокусируют внимание на противодействии как российскому, так и китайскому влиянию. В политическом дискурсе же европейских доноров главным антагонистом в данный момент выступает Российская Федерация.

В реализации задач митигации рисков западные государства прибегают к различным инструментам. Так, США используют формат В5+1 — форум, направленный на диалог между бизнесом, но не задействуют потенциал страхования политических рисков. Германия же и Великобритания аналогичного формата пока не запустили, но первая применяет инвестиционные гарантии и планирует расширение такой практики. Вместе с тем основную митигационную нагрузку во всех трех случаях несут именно «классические» инструменты СМР. К ним относятся в первую очередь программы совершенствования судебно-правовых систем, противодействия коррупции, помощи в улучшении бизнес-климата, а также в реформатировании энергетической инфраструктуры региона в целях ее замыкания на западные страны. При этом подходы западных доноров к интенсивно развивающимся (богатым ресурсами и традиционно привлекающим большие объемы инвестиций) государствам и наименее развитым странам региона различаются. Эффективность применяемых западными донорами мер, впрочем, неоднозначна и зависит от множества факторов: готовности самих стран ЦА к реформам, способности государств Запада координировать свои действия и др.

Политика западных доноров в сфере СМР, реализуемая в последние годы в целях митигации рисков, исходящих, в их понимании, от РФ и КНР, несомненно, создает значимые риски для российских и китайских компаний. Анализ такого рода рисков и действий

Москвы и Пекина по их минимизации заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 11 (659). С. 93–110. DOI: 10.31857/S2686673024110069.

2. Бартенев В.И. Влияние международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16. № 5. С. 155–188. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-155-188.

3. Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163.

4. Гарбузарова Е.Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 1. С. 26–36. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36.

5. Гарбузарова Е.Г. Страны Центральной Азии в условиях антироссийских санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 3 (37). С. 92–104.

6. Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 6. С. 48–58. DOI: 10.31857/S013128120028881-0.

7. Давыдов А.А. О стратегической значимости Центральной Азии для США // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 4 (57). С. 60–77. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-60-77.

8. Ермолов М.О. Помощь Центральной Азии: Новая Большая игра. М.: Российский совет по международным делам, 2021.

9. Жансаутова А., Нечаева Е., Казбекова М. Политические риски в обеспечении водной безопасности. Опыт стран Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан) // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21. № 4. С. 27–37.

10. Жильцов С.С. Политика Великобритании в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 2. С. 104–111. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-2-104-111.

11. Захаров А.Н., Рахимзода М.А. Зависимость стран Центральной Азии от зарубежной помощи (на примере Кыргызстана и Таджикистана) // Ми-

ровая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 8. С. 96–104. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-8-96-104.

12. Притчин С.А. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 6. С. 112–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.

13. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Бартенев В.И. Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия: Рабочая тетрадь // *Российский совет по международным делам*. М.: Спецкнига, 2013. Доступ: https://russiancouncil.ru/common/upload/WP_Central_Asia_10_rus.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

14. Сидоров А.А., Силантьева Л.Г., Каштанов А.В. и др. Политика влияния мировых акторов в Центральной Азии, Восточной Европе, на Южном Кавказе и в странах Балтии. М.: Перо, 2023.

15. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. М.: ИМЭМО РАН, 2018.

16. Сяотин Г. Да го цзай чжун я ди цюй де фа чжань юань чжу цзи ци чэн сяо [Помощь в целях развития основных стран Центральной Азии и ее последствия] // *Чжань люэ цзюэ цэ янь цзю*. 2021. № 1. С. 77–104. (На кит. яз.)

17. Уткин С.В., Барановский В.Г. Помощь развитию Центральной Азии как внешнеполитический инструмент // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 7. С. 105–114. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-105-114.

18. Фефелов Д.В., Тимошенко Н.Р. Протесты в Каракалпакстане как фактор региональной дестабилизации // *Россия и новые государства Евразии*. 2023. № 2 (59). С. 189–201. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-189-201.

19. Чжан Х. Мэй го дуй чжун я ди цюй де минь чжу юань чжу цзи ци сяо го [Демократическая помощь США Центральной Азии и ее влияние] // *Журнал Цзяннаньского социального университета*. 2021. Т. 23. № 3. С. 67–74. (На кит. яз.)

20. Экономика Центральной Азии: новый взгляд. Доклады и рабочие документы 22/3 / Рук. Е.Ю. Винокуров. Алматы; Бишкек; М.: Евразийский банк развития, 2022.

21. Яшлавский А.Э. «Афганский филиал» ИГИЛ как угроза Центральной Азии // *Россия и новые государства Евразии*. 2023. № 3 (60). С. 105–119. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-105-119.

22. Arazmuradov A. Can development aid help promote foreign direct investment? Evidence from Central Asia // *Economic Affairs*. 2015. Vol. 35. No. 1. P. 123–136. DOI: 10.1111/ecaf.12102.

23. Calleja R., Cichocka B., Casadevall Bellés S. How do non-DAC actors cooperate on development? Policy paper 294. Washington, D.C.: Center for

Global Development, 2023. Available at: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/how-do-non-dac-actors-cooperate-development.pdf> (accessed: 20.05.2025).

24. Huterer M., Pepe J.M., Schmitz A. German Central Asia policy after the ‘Zeitenwende’: SWP comment no. 35 // Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs. August 2024. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2024C35_Central_Asia_Policy.pdf (accessed: 20.05.2025).

25. Ismatov A. Do hybrid legal systems matter in foreign legal-aid programmes? Some philosophical aspects of legal aid in Uzbekistan as provided by the donor states // Asian Journal of Law and Society. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 351–371. DOI: <https://doi.org/10.1017/als.2020.44>.

26. Junxia L. Investments in the energy sector of Central Asia: Corruption risk and policy implications // Energy Policy. 2019. Vol. 133. P. 1–7. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.110912.

27. Kilichova N. Development aid in Central Asia: A ‘chessboard’ for great powers? // Securitization and democracy in Eurasia: Transformation and development in the OSCE region / Ed. by A. Mihr, P. Sorbello, B. Weiffen. Cham: Springer, 2023. P. 77–94.

28. Lee H. Bilateral aid to Tajikistan; donor tactics and responses to troubled governance // Development Studies Research. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 1–12. DOI: 0.1080/21665095.2024.2309193.

29. Ma H., Sun Zh., Fang Ch. Risk assessment of transnational oil investment in Central Asia using a fuzzy comprehensive evaluation method // Regional Sustainability. 2020. Vol. 1. No. 1. P. 11–19. DOI: 10.1016/j.regsus.2020.06.002.

30. Yildiz T. EU democratic governance promotion towards Central Asia and illiberal regional powers // EU good governance promotion in the age of democratic decline / Ed. by D. Soyaltin-Colella. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 211–235.

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2024. Amerikanskaya model’ strakhovaniya investitsii v razvitie ot politicheskikh riskov: traektoriya transformatsii [The U.S. model of insuring development investments against political risks: Tracking transformative changes]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 11 (659), pp. 93–110. DOI: 10.31857/S2686673024110069. (In Russ.)

2. Bartenev V.I. 2023a. Vliyanie mezhdunarodnoi pomoshchi na politicheskie riski dlya pryamykh inostrannykh investitsii [Foreign aid’s effect on political risks for foreign direct investment: A literature review]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 16, no. 5, pp. 155–188. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-155-188. (In Russ.)

3. Bartenev V.I. 2023b. Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu i politicheskie riski dlya vneshneekonomicheskoi deyatelnosti: logika sopryazheniya tem [International development cooperation and political risks for transnational business: Linking research topics]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163. (In Russ.)

4. Garbuzarova E.G. 2023a. Politika SShA v Tsentral'noi Azii: fazy aktivnosti [U.S. policy in Central Asia: Phases of activity]. *Post-Soviet Issues*, vol. 10, no. 1, pp. 26–36. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36. (In Russ.)

5. Garbuzarova E.G. 2023b. Strany Tsentral'noi Azii v usloviyakh antirossiiskikh sanktsii [Central Asian countries in the context of anti-Russian sanctions]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no. 3 (37), pp. 92–104. (In Russ.)

6. Gomboin Z.E. 2023. Ofitsial'naya pomoshch' KNR razvivayushchimsya stranam kak instrument zashchity investitsii kitaiskikh kompanii ot politicheskikh riskov [The PRC's foreign aid to developing countries as a tool to protect Chinese companies' investments against political risks]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 6, pp. 48–58. DOI: 10.31857/S013128120028881-0. (In Russ.)

7. Davydov A.A. 2022. O strategicheskoi znachimosti Tsentral'noi Azii dlya SShA [On the Central Asia's strategic importance for the USA]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 4 (57), pp. 60–77. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-60-77. (In Russ.)

8. Ermolov M.O. 2021. *Pomoshch' Tsentral'noi Azii: Novaya Bol'shaya igra* [Aiding Central Asia: A new Great Game]. Moscow, Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam Publ. (In Russ.)

9. Zhansautova A., Nechaeva E., Kazbekova M. 2018. Politicheskie riski v obespechenii vodnoi bezopasnosti. Opyt stran Tsentral'noi Azii (Kazakhstan, Tadzhikistan, Uzbekistan) [Political risks in ensuring water security. Central Asian states' experience: Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, vol. 21, no. 4, pp. 27–37. (In Russ.)

10. Zhil'tsov S.S. 2024. Politika Velikobritanii v Tsentral'noi Azii [The British policy in Central Asia]. *Post-Soviet Issues*, vol. 11, no. 2, pp. 104–111. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-2-104-111. (In Russ.)

11. Zakharov A.N., Rakhimzoda M.A. 2024. Zavisimost' stran Tsentral'noi Azii ot zarubezhnoi pomoshchi (na primere Kyrgyzstana i Tadzhikistana) [Foreign aid dependency in Central Asia (cases of Kyrgyzstan and Tajikistan)]. *World Economy and International Relations*, vol. 68, no. 8, pp. 96–104. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-8-96-104. (In Russ.)

12. Pritchins S.A. 2022. 'Bol'shaya igra 2.0' v Tsentral'noi Azii na sovremennom etape [The Great Game 2.0 in Central Asia at the present stage]. *World Economy and International Relations*, vol. 66, no. 6, pp. 112–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123. (In Russ.)

13. Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Bartenev V.I. 2013. *Sodeistvie razvitiyu gosudarstv Tsentral'noi Azii: strategicheskie gorizonty rossiiskogo uchastiya: rabochaya tetrad'* [Assisting development in Central Asia: Strategic horizons of Russian engagement: Working paper]. Moscow, Spetskniga Publ. Available at: https://russiancouncil.ru/common/upload/WP_Central_Asia_10_rus.pdf (accessed: 20.05.2025). (In Russ.)

14. Sidorov A.A., Silant'eva L.G., Kashtanov A.V. et al. 2023. *Politika vliyaniya mirovykh aktorov v Tsentral'noi Azii, Vostochnoi Evrope, na Yuzhnom Kavkaze i v stranakh Baltii* [The power politics of global actors in Central Asia, Eastern Europe, the South Caucasus and the Baltic States]. Moscow, Pero Publ. (In Russ.)

15. Baranovskiy V.G., Kvashnin Yu.D., Toganova N.V. (eds.). 2018. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki: zarubezhnyi opyt* [International development assistance as [a] foreign policy tool: Foreign experience]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

16. Syaotin G. 2021. Da go tszai chzhun ya di tsyui de fa chzhan' yuan' chzhu tsi tsi chen syao [Development assistance to the main Central Asian countries and its implications]. *Chzhan' lyue tszue tse yan' tszyu*, no. 1, pp. 77–104. (In Chinese.)

17. Utkin S.V., Baranovskii V.G. 2018. Pomoshch' razvitiyu Tsentral'noi Azii kak vneshnepoliticheskii instrument [Development assistance to Central Asia as a foreign policy instrument]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 7, pp. 105–114. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-105-114. (In Russ.)

18. Fefelov D.V., Timoshenko N.R. 2023. Protesty v Karakalpakstane kak faktor regional'noi destabilizatsii [Protests in Karakalpakstan as a factor of regional destabilization]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 2 (59), pp. 189–201. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-189-201. (In Russ.)

19. Chzhan Kh. 2021. Mei go dui chzhun ya di tsyui de min' chzhu yuan' chzhu tsi tsi syao go [U.S. democratic aid to Central Asia and its impact]. *Zhurnal Tszyannan'skogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 23, no. 3, pp. 67–74. (In Chinese.)

20. Vinokurov E.Yu. (dir.). 2022. *Ekonomika Tsentral'noi Azii: novyi vzglyad. Doklady i rabochie dokumenty 22/3* [The economy of Central Asia: A new perspective. Reports and working papers 22/3]. Almaty, Bishkek, Moskva, Evraziiskii bank razvitiya Publ. (In Russ.)

21. Yashlavskii A.E. 2023. 'Afganskii filial' IGIL kak ugroza Tsentral'noi Azii [The 'Afghan branch' of ISIS as a threat to Central Asia]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 3 (60), pp. 105–119. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-105-119. (In Russ.)

22. Arazmuradov A. 2015. Can development aid help promote foreign direct investment? Evidence from Central Asia. *Economic Affairs*, vol. 35, no. 1, pp. 123–136. DOI: 10.1111/ecaf.12102.

23. Calleja R., Cichocka B., Casadevall Bellés S. 2023. *How do non-DAC actors cooperate on development? Policy paper 294*. Washington, D.C., Center for Global

Development. Available at: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/how-do-non-dac-actors-cooperate-development.pdf> (accessed: 20.05.2025).

24. Huterer M., Pepe J.M., Schmitz A. 2024. *German Central Asia policy after the 'Zeitenwende': SWP comment no. 35*. Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2024C35_Central_Asia_Policy.pdf (accessed: 20.05.2025).

25. Ismatov A. 2021. Do hybrid legal systems matter in foreign legal-aid programmes? Some philosophical aspects of legal aid in Uzbekistan as provided by the donor states. *Asian Journal of Law and Society*, vol. 8, no. 2, pp. 351–371. DOI: <https://doi.org/10.1017/als.2020.44>.

26. Junxia L. 2019. Investments in the energy sector of Central Asia: Corruption risk and policy implications. *Energy Policy*, vol. 133, pp. 1–7. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.110912.

27. Kilichova N. 2023. Development aid in Central Asia: A 'chessboard' for great powers? In: Mihr A., Sorbello P., Weiffen B. (eds.). *Securitization and democracy in Eurasia: Transformation and development in the OSCE region*. Cham, Springer, pp. 77–94.

28. Lee H. 2024. Bilateral aid to Tajikistan; donor tactics and responses to troubled governance. *Development Studies Research*, vol. 11, no. 1, pp. 1–12. DOI: 0.1080/21665095.2024.2309193.

29. Ma H., Sun Zh., Fang Ch. 2020. Risk assessment of transnational oil investment in Central Asia using a fuzzy comprehensive evaluation method. *Regional Sustainability*, vol. 1, no. 1, pp. 11–19. DOI: 10.1016/j.regsus.2020.06.002.

30. Yildiz T. 2022. EU democratic governance promotion towards Central Asia and illiberal regional powers. In: Soyaltin-Colella D. (ed.). *EU good governance promotion in the age of democratic decline*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 211–235.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024;
одобрена после рецензирования 16.11.2024;
принята к публикации 05.12.2024

The paper was submitted 05.10.2024;
approved after reviewing 16.11.2024;
accepted for publication 05.12.2024